

18+

МАГОМЕД САГАИПОВ

ТАЭРИФН

МЕЧ ПРАВОСУДИЯ

Магомед Сагаипов

Таэрион. Меч правосудия

<https://litres.ru/74149332>

ISBN 9785007001717

Аннотация

Закон предков лишил его всего. Восемнадцать лет он жил в тени, растил детей, хоронил прошлое. Но Валхелла не забыла его — и он не забыл Валхеллу. Таэрион возвращается не за троном. Он возвращается за правдой. А правда, как и меч, требует крови. Узнайте, какой ценой восстанавливается справедливость.

Содержание

Таэрион. Меч правосудия	6
Глава 1. Цена амбиций	7
— Отец	8
— М?	9
— Убежал?!	12
— Убежал	13
— И создал?	15
— А потом?	17
— Как?	18
— А Мартес?	19
Глава 2	21
— Да.	25
— Долго?	27
— Нет	28
Глава 3. Старый воин	31
— Оружие?	35
Патруль	37
Глава 4. Землянка	40
— В тебя	42
— А садовник?	45
Глава 5. Цена ожидания	46
— Почему	49
— Чего?	52

— Думаю	53
Глава 6. Мать	55
— Когда?	56
Узнала	60
Глава 7. Дым	64
И неподвижной	66
— Что	67
— Понимаю	70
— Иди	71
Молчание	74
Помолчали	82
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Таэрион. Меч правосудия

Магомед Сагаипов

© Магомед Сагаипов, 2026

ISBN 978-5-0070-0171-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Таэрион. Меч правосудия

Глава 1. Цена амбиций

Колёса повозки мерно стучали по утоптанной дороге. Лошади шли неспешно, покачивая головами в такт шагам, и это покачивание убаюкивало — если бы не мысли, которые не давали покоя.

Таэрион сидел на облучке, держа вожжи свободно, почти небрежно. Рядом с ним, прижавшись к его боку, дремала Ки-рани. Сзади, в крытом кузове, возилась Лира, молча перебирая узлы с припасами. Тариан устроился на краю, свесив ноги наружу и глядя на проплывающие мимо холмы.

Какое-то время все молчали. Потом сын поднял голову.

— Отец

— М?

— Почему Валхелла и Нифльгард воюют? Уже давно воюют. Всегда воевали?

Таэрион не ответил сразу. Чуть натянул вожжи, хотя лошади и так шли ровно. Посмотрел вперёд — на дорогу, уходящую за гребень холма.

— Не всегда, — сказал он наконец. — Было время, когда их не существовало. Ни Валхеллы, ни Нифльгарда.

— А что было?

— Была Тесела. — Он помолчал. — Маленькое государство на северо-восточном острове. Там правил твой шестой прадед по моей крови. Карос.

Тариан перестал болтать ногами.

— Шестой? Это очень давно.

— Пять сотен лет назад.

— Ого. — Мальчик переварил это. — И что с ним случи-

лось?

Таэрион слегка усмехнулся — невесело.

— Он был храбрым человеком. Может быть, слишком храбрым. В те времена северо-восточным островом владели Марторы — государство, основанное из бывших разбойников, пиратов, беглых каторжников. Народу у них было в пятнадцать раз больше, чем в Теселе. Все соседние княжества платили им дань. Все, кроме Кароса.

— Он отказался?

— Отказался.

Тариан помолчал, обдумывая.

— Это правильно, — сказал он наконец с детской уверенностью. — Нельзя платить разбойникам.

— Наверное. — Таэрион не согласился и не возразил. — Два года они воевали. Карос дрался хорошо. Но силы были неравны. В конце концов Тесела проиграла. Половина народа погибла.

— Половина? — Тариан нахмурился.

— Половина. Карос понял, что продолжать войну — значит погубить всех. Тогда он пошёл на переговоры. Предложил Марторам мир через брак. Его сын Каэрион должен был жениться на дочери их вождя Хандуга.

— А Каэрион согласился?

Таэрион усмехнулся снова — на этот раз чуть теплее.

— Каэрион был бунтарём. Он уже любил другую — дочь ростовщика из своего города. Простую девушку. Когда узнал о сделке отца, не стал спорить, не стал просить. Просто выкрал её ночью и ушёл.

— Убежал?!

— Убежал

Мальчик хмыкнул — не осуждающе, скорее восхищённо. Таэрион покосился на него.

— Ты думаешь, это хорошо?

— Ну... он любил её.

— Да. Любил. — Таэрион снова замолчал. — А Хандуг, узнав об этом, решил, что Карос нарушил слово. Что Тесе-ла его предала. Он собрал войско и за три дня стёр её с лица земли. Не просто победил — истребил всех, кого нашёл. Никого не осталось.

Тариан перестал улыбаться.

— Всех?

— Всех.

В повозке стало тихо. Лира за спиной у Таэриона перестала шуршать тканью. Кирани сонно пошевелилась, но не проснулась.

— А Каэрион? — тихо спросил Тариан.

— Каэрион узнал уже в дороге. Вернуться было некуда и не к кому. Его рода больше не существовало. — Таэрион говорил ровно, почти без интонации — так говорят о том, что давно стало фактом, но не перестало болеть. — Тогда он дал клятву. Сказал, что создаст новое государство — такое, которое уничтожит угнетателей и принесёт мир северо-восточным землям.

— И создал?

— Не сразу. Сначала он собирал людей. Учёных, бывших военных, ремесленников. Всех, кто разделял его мечту. Жил в постоянном движении — Марторы искали его. У него родились двое сыновей. Мартес и Нифель.

— Как Марторы, — заметил Тариан.

Таэрион посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Ты прав. Я никогда не думал об этом. — Он чуть помедлил. — Может, это было напоминание себе. О том, кого нужно победить.

Тариан кивнул, довольный, что заметил то, что заметил.

— В постоянных скитаниях и набегах Каэрион придумал кругосветы, — продолжал Таэрион. — Дома на колёсах. Шатры, которые можно было снять с места за час и увезти. Так кочевой народ стал неуловимым. Когда ему было уже девяносто пять лет — девяносто пять, Тариан — он наконец провозгласил своё государство. Валхеллу.

— Девяносто пять? — Мальчик вытаращил глаза. — Это

же старый-старый!

— Очень старый. — В голосе Таэриона впервые появилось что-то похожее на тепло. — Он всю жизнь строил одну мечту. И дожил до неё.

— А потом?

— Потом он назначил сыновей — Мартеса и Нифеля — править на границах Валхеллы. И вскоре умер. Сыновья продолжили его дело.

— Дружно?

Таэрион помолчал.

— Поначалу. Но однажды на один из лагерей напала банда разбойников. Налетели неожиданно — люди не успели сняться с места. Пострадало много народу. Братья поспорили: Мартес говорил, что нужно двигаться быстрее, Нифель — что нужно защищаться иначе.

— Как?

— Нифель однажды видел народ, который жил среди каменных скал, за высокими стенами. Их было не победить — скалы защищали лучше любого войска. И он предложил брату: давай перестанем кочевать. Давай строить стены.

— А Мартес?

— Мартес отказал. Сказал, что это предательство мечты отца. Что Валхелла — кочевой народ и всегда им останется.

Тариан надолго замолчал, глядя на дорогу.

— Они оба были правы, — сказал он наконец.

Таэрион обернулся к нему. Посмотрел — долго, внимательно.

— Да, — сказал он тихо. — Оба были правы. В этом и беда.

— И Нифель ушёл?

— Ушёл. Забрал своих людей, своих воинов, всех, кто разделял его взгляды. Нашёл место со скалами и стенами. Построил Нифльгард. — Таэрион снова смотрел на дорогу. — С тех пор прошло триста лет. Война не прекращалась ни разу.

Тариан помолчал.

— Из-за того что братья поспорили?

— Из-за того что оба любили Валхеллу. Просто по-разному.

Повозка скрипела. Лошади шли. Кирани во сне чуть крепче прижалась к отцу. Лира за спиной молчала — и в этом молчании было что-то такое, что Таэрион почувствовал её взгляд, не оборачиваясь.

Тариан ещё немного посидел, глядя на уходящую назад дорогу. Потом спросил — тихо, будто не решаясь:

— Отец. А мы — мы сможем остановить эту войну?

Таэрион не ответил сразу. Долго смотрел вперёд.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Но не попробовать — значит точно не сможем.

Больше никто ничего не говорил. Колёса стучали. Дорога тянулась вперёд.

Конец первой главы

Глава 2

Пишу.

— —

Глава 1. Возвращение

Они остановились на гребне холма ещё засветло.

Таэрион спешил первым. Привязал коня к старому вязу, жестом показал Лире — стой. Она остановила повозку молча, без вопросов. За восемнадцать лет она научилась читать его жесты так же хорошо, как слова.

— Папа, мы приехали? — Тариан уже перебирался через борт.

— Сиди, — негромко сказал Таэрион. — Пока сиди.

Мальчик замер. Что-то в голосе отца остановило его вернее любого запрета.

Таэрион поднялся на самый гребень и лёг в траву. Достал из-за пояса небольшую подзорную трубу — подарок одно-

го учёного из Академии, единственное что осталось от той жизни. Навёл на долину вниз.

Валхелла была там.

Он узнал её — и не узнал.

Кругосветы стояли. Не двигались, не готовились к переходу — просто стояли, вросшие в землю, как будто всегда здесь были и никуда не собирались. Над некоторыми из них торчали деревянные столбы с навесами — попытки пристроить что-то стационарное к тому, что никогда не было создано для стоянки. Улицы — если это можно было назвать улицами — были прямыми и пустыми. Никакого движения. Никакого шума.

Таэрион опустил трубу.

Валхелла его детства никогда не молчала. Она гудела — голосами, лошадьми, детским смехом, запахом костров и кожи. Она была живой. То что лежало сейчас в долине — дышало, но едва.

Он лежал так долго. Солнце сползло к горизонту.

— Таэрион. — Лира подошла неслышно, легла рядом. По-

смотрела в долину без трубы — просто смотрела. — Сколько их там?

— Трудно сказать. Тысячи три, может четыре. — Он помолчал. — Раньше было вдесятеро больше.

Лира ничего не сказала. Только чуть сдвинулась ближе к нему плечом.

— Стражи на въезде, — продолжил он тихо. — Двое. Вооружены плохо. Держатся так, будто сами не знают зачем стоят.

— Гуннар разоружил их?

— Не разоружил. Просто не учил. Зачем учить тех, кого не боишься? — Таэрион снова поднял трубу. — Они забыли как держать копьё. Смотри — вон тот, левый. Держит его как пастух держит посох.

Лира прищурилась, хотя с такого расстояния всё равно не могла разглядеть.

— Что будем делать?

— Ждать темноты. Войдём не через главный въезд.

Они вернулись к повозке. Тариан сидел прямо, с напряжённым лицом — слышал достаточно чтобы понять: что-то не так, но не настолько много чтобы понять что именно. Кирани спала, свернувшись на тюках с припасами.

— Папа, — тихо спросил Тариан, — это Валхелла?

— Да.

— Она не такая как ты рассказывал.

Таэрион посмотрел на сына. Долго.

— Нет, — сказал он наконец. — Не такая.

Больше мальчик не спрашивал.

— —

Они двинулись в обход когда небо потемнело достаточно. Таэрион вёл коня в поводу, повозка ехала медленно, без огня. Лира сидела на козлах, Тариан — рядом с ней, натянув капюшон.

Объездная тропа заросла. Раньше по ней гоняли скот на дальние пастбища — теперь трава стояла нетронутой по пояс. Ещё один знак.

Таэрион нашёл то что искал — старый проход между двумя кругосветами на южной окраине. В детстве здесь была граница лагеря, дальше начинались выпасы. Теперь кругосветы стояли вплотную, но между ними оставалась щель —

достаточная для человека, но не для повозки.

Он остановил лошадей. Прислушался.

Тишина. Где-то далеко кашлял ребёнок. Больше ничего.

— Здесь ждите, — сказал он Лире. — Я войду один. Посмотрю.

— Долго?

— Нет

Он протиснулся в щель и оказался внутри.

Запах ударил первым — дым, прелая кожа, что-то кислое. Не грязь — скорее усталость, вьевшаяся в само дерево кругосветов. Таэрион шёл медленно, держась в тени. Ни огней, ни голосов. Люди давно разошлись по домам — или тем что называли домом.

Он завернул за угол и чуть не столкнулся с человеком.

Старик. Сидел прямо на земле, прислонившись спиной к колесу кругосвета. Укрытый рваным плащом, с миской на коленях. Поднял голову — и они несколько секунд смотрели друг на друга в темноте.

Таэрион не двигался.

Старик прищурился. Потом медленно, с усилием, поднялся на ноги. Миска упала, покатилась по земле. Он не обратил внимания.

— Ты, — сказал он хрипло. Не вопрос — утверждение.

— Тихо, — негромко сказал Таэрион.

— Я тебя знаю. — Старик шагнул ближе, взгляделся. Глаза у него были острые, несмотря на возраст. — Я тебя помню ещё мальчишкой. Ты сын Кардона. Таэрион.

Таэрион не подтвердил и не опроверг. Просто смотрел.

Старик вдруг согнулся — не в поклоне, скорее просто осел, как будто что-то внутри него наконец отпустило после долгого напряжения. Плечи затряслись. Он не плакал — или плакал, в темноте было не разобрать.

— Восемнадцать лет, — сказал он. — Восемнадцать лет я думал что ты мёртв.

— Я жив, — сказал Таэрион тихо.

— Вижу. — Старик выпрямился, вытер лицо рукавом. — Зачем вернулся?

Таэрион посмотрел на него. На рваный плащ, на миску на земле, на руки — когда-то крепкие руки воина, теперь изработанные и пустые.

— За своим, — сказал он.

Старик долго молчал. Потом кивнул — медленно, как будто взвешивал каждое слово которое собирался сказать.

— Тогда тебе нужно знать всё. — Он покосился по сторонам и понизил голос до шёпота. — Но не здесь. Здесь у стен есть уши. Здесь всегда есть уши.

Конец второй главы

Глава 3. Старый воин

Орвас шёл быстро для своего возраста.

Таэрион не ожидал этого — глядя на рваный плащ и согнутую спину думал что придётся подстраиваться под медленный шаг. Но старик двигался уверенно, без колебаний, выбирая путь в темноте как человек который знает каждый камень.

— Далеко? — тихо спросил Таэрион.

— Нет. Есть место. — Орвас не оборачивался. — Раньше там был загон для лошадей. Теперь пустой. Патрули туда не ходят — нечего охранять.

— Часто патрулируют?

— Каждую ночь. Четыре смены. Гуннар боится темноты. — В голосе старика не было насмешки — только усталая констатация. — Восемнадцать лет боится. И правильно делает.

Они вышли за крайние кругосветы. Здесь трава была выше, воздух холоднее. Орвас свернул за полуразвалившуюся

ся изгородь и остановился. Огляделся. Прислушался. Потом опустился на бревно у старой кормушки.

Таэрион сел напротив.

Какое-то время они просто смотрели друг на друга. В темноте лицо Орваса было почти неразличимо — только белые брови да блеск глаз.

— Ты изменился, — сказал старик наконец.

— Восемнадцать лет.

— Не в этом. — Орвас покачал головой. — Ты стал тяжелее. Внутри. Это видно.

Таэрион не ответил.

— Я помню тебя мальчишкой, — продолжил старик. — Ты всегда был с книгой. Все смеялись — сын Кардона, а воевать не умеет, только читает. — Он помолчал. — Потом ты уехал в Академию. Потом... всё случилось. Кардон объявил что тебя казнили.

— Ты верил?

Орвас помолчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Не верил. Кардон плакал когда объявлял. Я видел. А правители не плачут по казнённым предателям.

Таэрион опустил голову. Что-то в груди сжалось и отпустило — как бывает когда долго несёшь тяжёлое и наконец кладёшь на землю.

— Расскажи мне про Валхеллу, — сказал он. — Всё что знаешь.

Орвас вздохнул — долго, как человек который не знает с чего начать потому что начало было слишком давно.

— Гуннар пришёл тихо, — начал он. — Это первое что нужно понять. Он не завоёвывал — он вошёл как гость. Твой отец сам его позвал. После того как ты... после объявления — Кардон сломался. Это я видел своими глазами. За одну ночь стал другим человеком. Гуннар был рядом, говорил правильные слова, помогал. Умный был. Очень умный.

— Шанду помогал ему.

Орвас резко поднял голову.

— Ты знаешь про Шанду?

— Знаю.

Старик долго смотрел на него. Потом кивнул — медленно, как будто это всё объясняло.

— Шанду. Да. Он был при твоём отце тридцать лет. Все доверяли ему как себе. — Голос Орваса стал тише. — Когда Кардон умер и Гуннар объявил себя Расичем Шанду стоял рядом. Первый подтвердил законность. Старейшины не посмели возразить — если Шанду говорит что так надо значит так надо. Так они думали.

— А кругосветы? — спросил Таэрион. — Почему стоят?

— Гуннар запретил переходы. Сказал — незачем кочевать, нужно строить. Говорил красиво. Про стабильность, про будущее. Народ устал от скитаний — согласился. — Орвас посмотрел куда-то в темноту. — А потом оказалось что стоячий народ легче считать. Легче контролировать. Легче забирать у него зерно и скот.

— Оружие?

— Собрал на третий год. Сказал — незачем простым людям держать мечи, для этого есть стража. Народ опять согласился. Устал. Запуган. — Орвас сжал кулаки на коленях. — Я не согласился. Спрятал свой меч. Он у меня до сих пор есть — только уже не знаю смогу ли поднять.

Таэрион смотрел на старика. На руки, которые когда-то держали оружие. На плечи, которые ещё помнили как это — стоять прямо.

— Сколько таких как ты? — спросил он. — Кто помнит. Кто не согласился внутри.

— Немного. — Орвас покачал головой. — Молодые не знают другой жизни. Им уже тридцать — а они никогда не видели Валхеллы в движении. Для них кругосветы это просто дома. Странные дома на колёсах — и всё. Средние — те что помнят — сломлены или напуганы. Остались только старики. А старики долго не живут.

— Но живут.

Орвас посмотрел на него. Потом усмехнулся — впервые

за весь разговор.

— Живут, — согласился он. — Назло.

Таэрион открыл рот чтобы спросить про Элори — но Орвас вдруг поднял руку.

Стоп.

Таэрион замер.

Где-то слева — шаги. Не одна пара. Две, может три. Мерные, тяжёлые — люди в сапогах идут не таясь, знают что здесь их земля.

Патруль

Орвас уже двигался — беззвучно, удивительно быстро для своего возраста, пригнувшись за кормушку. Таэрион скользнул следом, прижался к старому дереву, задержал дыхание.

Шаги приближались.

Между досками изгороди проступили силуэты — двое. Факел у одного, копьё у другого. Шли вдоль внешней границы лагеря, переговаривались вполголоса. Слов было не разобрать — только ленивый тон людей которые делают привычное и давно неинтересное им дело.

Таэрион не двигался.

Орвас рядом не дышал.

Патруль прошёл мимо. Шаги удалялись. Свет факела скользнул по траве и пропал за поворотом.

Они ещё долго сидели неподвижно. Потом Орвас медленно выпрямился — по суставам хрустнуло — и тихо выдохнул.

— Каждую ночь, — повторил он шёпотом. — Восемнадцать лет каждую ночь.

Таэрион поднялся. Посмотрел в сторону куда ушёл патруль. Потом на Орваса.

— Мне нужно вернуться к семье, — сказал он тихо. — Завтра ночью снова. Ты расскажешь остальное.

Орвас кивнул. Потом, когда Таэрион уже повернулся уходить, негромко сказал:

— Она жива.

Таэрион остановился.

— Элори. Твоя мать. — Орвас смотрел на него в темноте. — Больна. Давно. Но жива. Я думал ты захочешь знать.

Таэрион стоял спиной к нему. Долго.

— Где она? — спросил он наконец. Голос был ровный — слишком ровный.

— Завтра, — сказал Орвас. — Завтра расскажу всё.

Конец 3 главы

Глава 4. Землянка

Дети уснули быстро.

Киран — ещё до того как Лира успела укрыть её вторым одеялом. Тариан держался дольше — лежал с открытыми глазами, смотрел в низкий отолок землянки, думал о чём-то своём. Потом и он затих.

Лира задула одну свечу из двух. Вторую оставила — совсем в темноте здесь было неуютно, земляные стены давили.

Она вышла наружу.

Таэрион сидел у входа на плоском камне. Смотрел в сторону холмов — туда где за темнотой и расстоянием угадывалась Валхелла. Лира села рядом. Не вплотную — чуть в стороне, плечом к плечу.

Ночь была тихой. Где-то далеко кричала ночная птица — раз, другой, потом замолчала. Небо над холмами было тёмным и глубоким, звёзды стояли неподвижно.

Они молчали.

Ли́ра не спрашивала что он видел. Не спрашивала что узнал, что думает, что будет дальше. Она умела молчать рядом — это было одним из первых что он в ней заметил, ещё тогда, в другой жизни, когда он был просто Себаем и косил сено на отцовском поле.

Прошло какое-то время.

— Землянка хорошая, — сказал он наконец. — Сухая.

— Тариан нашёл в углу старый горшок, — ответила Ли́ра.
— Обрадовался как будто клад.

— Он всегда радуется таким вещам.

— В тебя

Таэрион чуть повернул голову. Лира смотрела вперед — на те же холмы, на те же звёзды.

— Я в детстве горшкам не радовался.

— Ты в детстве радовался книгам. Это хуже. — В её голосе была едва слышная улыбка. — Книги тяжелее возить.

Он негромко усмехнулся. Первый раз за этот день.

Лира чуть сдвинулась — совсем немного, почти незаметно. Плечо к плечу стало теплее.

Таэрион смотрел на холмы. Думал о том что увидел сегодня ночью. О народе который разучился двигаться. О старике который восемнадцать лет сидел на земле у колеса кругосвета и ждал. О детях которые спят за его спиной и не знают куда занесла их судьба.

Он поднял руку и осторожно, как будто боясь спугнуть что-то хрупкое, убрал прядь волос с её лица. Лира не шевельнулась. Только чуть прикрыла глаза.

— Я не знаю сколько это займёт, — сказал он тихо. — Месяцы. Может больше.

— Я знаю.

— Это будет опасно.

— Я знаю, — повторила она.

— Дети—

— Таэрион. — Она наконец повернулась к нему. Посмотрела прямо — спокойно, без страха, без упрёка. Просто смотрела. — Я знаю всё это. Я знала когда мы выезжали. Я знала ещё раньше — когда ты сказал что хочешь вернуться.

Он смотрел на неё.

— Тогда зачем поехала.

— Потому что ты бы поехал один, — сказала она просто. — А одному незачем.

Он не нашёл что ответить. Просто взял её руку — она была прохладной, немного шершавой от лука и работы — и сжал. Лира не убрала руку. Сжала в ответ.

Они сидели так долго. Звёзды медленно двигались над холмами. Свеча в землянке догорала — тёплый свет чуть вздрагивал в проёме входа.

— Расскажи мне что-нибудь, — сказала Лира наконец. — Не про Валхеллу. Просто что-нибудь.

Таэрион подумал.

— В Академии был старый садовник, — сказал он. — Никто не знал его имени. Все звали просто — старик. Он каждое утро поливал один куст у восточной стены. Маленький, кривой, ничего особенного. Я однажды спросил его зачем — там же тень, ничего не вырастет. Он сказал — растёт. Просто медленно.

Лира слушала.

— Я тогда не понял, — продолжил Таэрион. — Думал — чудак. А потом, чуть погодя, куст зацвёл. Один раз, на два дня. Белые цветы. Мелкие совсем. Но зацвёл.

— А садовник?

— Стоял рядом и смотрел. Больше ничего.

Лира помолчала.

— Хорошая история, — сказала она тихо.

— Да, — согласился Таэрион.

Где-то за холмами снова крикнула птица. Потом стихло.

Лира положила голову ему на плечо. Он не шевельнулся — только чуть крепче сжал её руку.

Землянка за спиной дышала тихим сном детей. Холмы впереди молчали. Валхелла ждала.

Но сейчас — прямо сейчас — был только этот камень, это плечо, эта рука в его руке.

Этого было достаточно.

Конец 4 главы

Глава 5. Цена ожидания

Они встретились в том же месте.

Орвас пришёл раньше — сидел на бревне, завернувшись в плащ, и смотрел на звёзды. Когда Таэрион бесшумно появился из темноты старик даже не вздрогнул.

— Ждал, — сказал он просто.

— Долго?

— Нет. — Орвас опустил взгляд со звёзд. — Я давно не сплю по ночам. Привык.

Таэрион сел напротив. Сегодня он пришёл один — Лира осталась с детьми в укрытии за холмами, в двух часах хода от лагеря. Место они выбрали вчера утром — старая пастушья землянка, заросшая кустарником, невидимая с дороги.

— Элори, — сказал он без предисловий. — Где она?

Орвас помолчал. Потёр ладони — то ли от холода, то ли собираясь с мыслями.

— Её кругосвет стоит в центре лагеря. — Он говорил тихо, размеренно. — Гуннар не тронул его. Оставил на том же месте где он всегда стоял при Кардоне. Даже покрасил заново на третий год — говорят сам распорядился. Красивый жест.

— Жест, — повторил Таэрион.

— Именно. Жест. Все видят — Гуннар чтит вдову правителя, заботится о ней. А то что при этом двое его людей дежурят у входа круглые сутки — это так, для её же безопасности. Она ведь больна, слаба. Мало ли что.

Таэрион смотрел на него.

— Он держит её как доказательство, — сказал он.

— Да. Пока она жива и у всех на виду — Гуннар законный правитель который милосердно позаботился о старой хозяйке. Если она умрёт — он устроит пышные похороны и будет скорбеть громче всех. В любом случае он выиграет.

— А если она заговорит?

— Она не говорит. — Орвас покачал головой. — Давно. Болезнь забрала голос раньше чем всё остальное. Люди ду-

мают что она просто угасает. Те кто видел её в последний раз говорят — лежит, смотрит в потолок. Узнаёт ли кого — неизвестно.

Что-то сжалось в груди у Таэриона — резко, как удар. Он не показал этого. Только чуть сильнее сжал колени руками.

— Я должен её увидеть.

— Знал что скажешь. — Орвас посмотрел на него прямо.
— И скажу тебе прямо — сейчас это невозможно.

— Почему

— Двое у входа это только те что видны. Есть ещё один внутри — он живёт там постоянно, якобы слуга. Шанду поставил его три года назад когда Элори совсем слегла. — Старик поднял палец. — Плюс центр лагеря — это не окраина. Там всегда люди. Чужое лицо заметят сразу.

— Я могу войти под другим именем. Как лекарь, как торговец.

— Можешь. — Орвас кивнул. — Но не сейчас. Гуннар на прошлой неделе ужесточил проверки на въезде — кто-то из соседнего селения рассказал что видел чужаков в окрестностях. — Он многозначительно посмотрел на Таэриона. — Ищут. Пока не знают кого. Но ищут.

Таэрион молчал.

Ждать. Он знал что это правильно. Знал что Орвас прав. Но восемнадцать лет он не знал жива ли мать — и теперь когда она была в двух часах ходьбы сидеть и ждать казалось почти невыносимым.

— Сколько, — спросил он наконец.

— Недели две. Может три. Пока проверки не ослабнут. — Орвас помолчал. — Она держится. Орвас бывает рядом — я передаю ей еду через одну женщину которой доверяю. Элори знает что за ней смотрят. Она терпеливая. Всегда была.

— Да, — сказал Таэрион тихо. — Всегда была.

Они помолчали.

— Расскажи мне про Гуннара, — сказал Таэрион наконец.
— Как он правит. Чего боится. Где слабые места.

Орвас чуть прищурился — как человек который ждал именно этого вопроса.

— Гуннар умный, — начал он. — Это первое что нужно понять и никогда не забывать. Он не жестокий без причины — жестокость привлекает внимание, создаёт мучеников. Он предпочитает другое. Усталость. Он изматывает людей медленно — налогами, запретами, мелкими унижениями которые по отдельности кажутся терпимыми. А вместе превращают человека в скот который только ест и спит.

— Шанду управляет им?

— Шанду направляет. — Орвас покачал головой. — Гуннар не марионетка — у него есть своя воля и своя гордость. Но Шанду знает этот народ лучше чем сам Гуннар. Знает кого бояться, кого купить, кого сломать. Он как тень — невидимый но везде.

— Где он сейчас?

— При Гуннаре. Всегда при Гуннаре. — Орвас помолчал. — Есть одна вещь которую ты должен знать. Гуннар боится одного.

— Чего?

— Призрака. — Старик посмотрел на него. — Твоего призрака. Восемнадцать лет прошло — а он до сих пор иногда спрашивает у Шанду — точно ли мёртв. Точно ли казни-ли. Шанду каждый раз подтверждает. Но Гуннар спрашивает снова. — Орвас чуть улыбнулся — едва заметно. — Значит где-то внутри он не верит.

Таэрион медленно кивнул.

— Значит призрак ему и нужен, — сказал он тихо — скорее себе чем Орвасу.

Старик посмотрел на него внимательно.

— Ты уже думаешь как действовать.

— Думаюю

— Тогда скажу ещё одно. — Орвас наклонился чуть вперёд, голос стал совсем тихим. — Народ сломлен — но не мёртв. Я вижу это. Молодые не знают другой жизни но чувствуют что что-то не так. Среднее поколение помнит — и ненавидит молча. Нужна только искра Таэрион. Просто искра.

Таэрион смотрел в темноту за изгородью. Где-то далеко — в двух часах хода — спали его дети. Лира не спала, он знал. Сидела у входа в землянку и смотрела в ту сторону откуда он должен был вернуться.

А ещё дальше — в центре лагеря — лежала его мать и смотрела в потолок.

— Две недели, — сказал он наконец.

— Может три, — осторожно добавил Орвас.

— Две, — повторил Таэрион. — Я найду способ.

Орвас посмотрел на него долго. Потом кивнул.

— Найдёшь, — согласился он. — Ты всегда находил.

Конец 5 главы

Глава 6. Мать

Орвас пришёл к землянке на рассвете.

Таэрион не спал — сидел у входа, смотрел как светлеет небо над холмами. Услышал шаги издалека, узнал — старик ходил тяжело, с характерным скрипом левого колена.

— Рано, — сказал Таэрион.

— Придумал кое-что, — ответил Орвас и опустился рядом на камень. — Слушай.

Лира вышла из землянки через несколько минут — молча встала в проёме. Орвас говорил тихо и коротко. Утром меняется стража — новая смена первые полчаса сонная и невнимательная. Есть женщина которой я доверяю — она иногда носит Элори еду под видом помощницы. Если Лира войдёт как целительница с детьми — стража пропустит. Семья с детьми не вызывает вопросов. Потом под предлогом свежего воздуха выведет Элори наружу. А там — мой дом рядом.

Когда он замолчал Лира спросила только одно.

— Когда?

— Завтра утром, — сказал Орвас. — Лучшего времени не найти.

Лира кивнула и ушла обратно в землянку. Таэрион смотрел ей вслед.

— Она смелая женщина, — сказал Орвас тихо.

— Да, — согласился Таэрион. — Всегда была.

Таэрион не спал всю ночь.

— —

Лира вошла в лагерь через главный въезд.

Она шла уверенно — не быстро, не медленно, как человек который знает куда идёт и зачем. За плечом — холщовая сумка с травами и склянками, которые собрали накануне вечером. Рядом — Тариан и Кирани, притихшие, серьёзные. Орвас предупредил — дети делают любого взрослого обычным. Семья с детьми не вызывает вопросов.

Стража на въезде скользнула по ним взглядом. Один зевнул. Пропустили.

Лира шла через лагерь не глядя по сторонам — только вперёд, только к центру. Кирани держалась за её руку. Тариан шёл чуть сзади и молчал — он один знал куда они идут и зачем.

Кругосвет Элори стоял там где и сказал Орвас — в самом центре, немного в стороне от остальных. Выкрашенный заново, с резными ставнями. Красивый. Как клетка украшенная для вида.

У входа — двое. Один сидел на чурбане, второй стоял прислонившись к колесу. Оба смотрели на Лиру без особого интереса.

— Целительница, — сказала она спокойно. — Орвас попросил посмотреть на старую хозяйку. Говорит совсем плохо стало.

Стражники переглянулись. Один пожал плечами — Орваса в лагере знали, старик был безобидным.

— Долго не задерживайся, — сказал тот что сидел.

Лира кивнула и вошла.

— —

Таэрион ждал в доме Орваса.

Старик жил в маленьком кругосвете на самой окраине — тесном, низком, пахнущем деревом и старостью. Таэрион сидел в углу на низкой скамье и смотрел на дверь. Орвас сидел напротив и молчал. Говорить было не о чем — оба знали что осталось только ждать.

Время шло медленно.

Потом за дверью послышались шаги — лёгкие, осторожные. Таэрион встал.

Дверь открылась.

Лира вошла первой. За ней — Тариан с Кирани. А за ними, опираясь на руку Лире, медленно переступила порог женщина.

Таэрион не сразу узнал её.

Он помнил мать другой — прямой, быстрой, с острым

взглядом который замечал всё. Эта женщина была маленькой и лёгкой как будто из неё вынули что-то важное. Седые волосы убраны назад. Лицо — тонкое, почти прозрачное. Руки — те самые руки которые когда-то плели ему волосы и перевязывали разбитые колени — сейчас держались за Лирину руку как держатся за единственную опору.

Она подняла глаза.

И сразу — без паузы, без сомнения — посмотрела прямо на него.

Узнала

Таэрион не успел ничего сказать. Элори сделала шаг вперёд — неверный, слабый — и он шагнул навстречу и поймал её раньше чем она упала. Она была лёгкой. Невыносимо лёгкой.

Она не плакала. Только вцепилась в него руками — крепко, совсем не слабо — и уткнулась лицом ему в плечо. Он почувствовал как она дышит — часто, прерывисто, как человек который долго бежал и наконец остановился.

— Мама, — сказал он тихо. Первый раз за восемнадцать лет.

Она не ответила — голоса не было давно. Но руки сжались крепче.

Они стояли так долго. Орвас смотрел в сторону. Лира увела детей к дальней стене — Кирани смотрела широко открытыми глазами, Тариан — опустив голову.

Потом Элори чуть отстранилась. Подняла руку — медленно, с усилием — и коснулась его лица. Провела ладонью по щеке, по лбу. Как будто читала его пальцами — проверяла

что он настоящий.

Таэрион не двигался.

Она смотрела на него. В глазах не было слёз — только что-то тихое и огромное для чего не было слов. Потом взгляд скользнул за его плечо — на Лиру, на детей. Таэрион обернулся.

— Это Лира, — сказал он. — Моя жена. — Помолчал. — А это Тариан. И Кирани.

Тариан шагнул вперёд — неловко, но прямо. Поклонился.

— Бабушка, — сказал он тихо. Первый раз произнёс это слово — и оно прозвучало непривычно и правильно одновременно.

Элори смотрела на внуков долго. Потом на её лице что-то дрогнуло — медленно, как лёд по весне — и она улыбнулась. Беззвучно, одними губами.

Таэрион отвернулся.

Орвас деликатно кашлянул.

— Долго нельзя, — сказал он негромко. — Стража скоро начнёт спрашивать.

Таэрион кивнул. Подвёл мать к скамье, помог сесть. Сел рядом. Взял её руку.

— Я вернулся, — сказал он. — Я здесь. — Помолчал. — Я всё исправлю.

Она посмотрела на него. Долго. Потом сжала его руку — один раз, крепко — и отпустила. Как будто сказала всё что хотела сказать.

Ли́ра уже стояла у двери.

— Пора, — сказала она тихо.

Таэрион встал. Посмотрел на мать — маленькую, сидящую прямо несмотря на всё, с тем же острым взглядом который он помнил. Болезнь забрала у неё многое. Но не это.

— Я приду снова, — сказал он.

Она кивнула. Один раз. Уверенно.

— —

Они уходили порознь — сначала Лира с детьми, потом через время Таэрион через другой выход. Орвас проводил его до окраины и остановился.

— Она ждала, — сказал старик. — Всё это время ждала. Я видел.

Таэрион не ответил. Смотрел на холмы впереди.

— Долго ей осталось? — спросил он наконец. Голос был ровный.

Орвас помолчал.

— Не знаю, — сказал он честно. — Но то что сегодня произошло — это ей нужно было. Может больше чем любое лекарство.

Таэрион кивнул. Пошёл вперёд.

Орвас смотрел ему вслед пока он не скрылся за холмом.

Конец 6 главы

Глава 7. Дым

Агна не спала.

Она никогда не спала крепко в эти ночи — тридцать лет прожито, а сон всё равно чуткий, как у зверя. Особенно когда дежурила у старой Карды. Особенно в последние недели.

Элори лежала тихо. Дышала — медленно, с длинными паузами между вдохами которые Агна научилась считать. Три года она приходила сюда каждый день. Три года смотрела как эта женщина угасает — достойно, без жалоб, с прямой спиной даже лёжа.

Агна сидела у изголовья и штопала что-то при свече. За стенкой кругосвета была ночь — тихая, без ветра.

В какой-то момент она подняла глаза.

Элори смотрела в потолок. Как всегда. Но что-то было другим — Агна не сразу поняла что. Потом поняла.

Она улыбалась.

Не той слабой гримасой которая иногда появлялась когда

Агна приносила еду. По-настоящему улыбалась — тихо, как человек который вспомнил что-то хорошее и унёс это с собой.

Агна встала. Подошла. Взяла руку Элори — она была тёплой и лёгкой.

И неподвижной

Агна долго стояла так. Свеча горела. За стенкой была ночь. Потом она осторожно, бережно сложила руки Элори и накрыла её покрывалом до подбородка.

Вышла наружу.

Стражник у входа вскинул голову.

— Карда Элори умерла, — сказала Агна.

— —

Гуннара разбудили до рассвета.

Он не любил когда его будили. Знал это про себя — знал и не стеснялся. Сон был единственным временем когда можно было не думать, не взвешивать, не просчитывать. Поэтому когда за дверью раздался осторожный стук он сел на постели уже в плохом настроении.

— Что

Вошёл Шанду — тихо, как всегда, как будто не шёл а перетекал из одного места в другое. В руке свеча. Лицо — непроницаемое.

— Карда Элори умерла, — сказал он. — Ночью. Во сне.

Гуннар молчал несколько секунд.

Потом встал. Подошёл к окну. Долго смотрел в темноту за ставнями — ничего там не было, просто темнота, но он смотрел.

— Народ знает?

— Уже расходится весть.

— Быстро.

— Да, — согласился Шанду.

Гуннар повернулся. Посмотрел на советника — долго, изучающе.

— Это плохо или хорошо?

Шанду чуть наклонил голову.

— Зависит от того как поступить дальше.

— Я спрашиваю твоё мнение.

— Элори была Кардой. — Шанду говорил ровно, тщательно подбирая слова. — Для старого поколения она была последней живой нитью с прежним временем. Её смерть может всколыхнуть память. Старую боль. Старые вопросы.

— Значит плохо.

— Значит нужно действовать быстро и правильно. — Шанду поставил свечу на стол. — Похороны должны быть сегодня. Достойные. Вы должны присутствовать лично. Говорить о ней с уважением — и о Кардоне, и о прошлом Валхеллы. Народ должен видеть что вы чтите её память.

Гуннар слушал. Кивнул.

— Подготовь речь.

— Уже думаю над ней.

— Хорошую речь, Шанду. Такую чтобы старики плакали.

Шанду поклонился.

— Будет сделано.

Гуннар снова повернулся к окну. За ставнями начинало светать — едва заметно, самый краешек рассвета.

— И ещё, — сказал он не оборачиваясь. — Усилить наблюдение в эти дни. Смерть Карды — это момент когда люди становятся сентиментальными. Сентиментальные люди говорят лишнее.

— Понимаю

— Иди

Шанду вышел так же бесшумно, как вошёл. Гуннар остался один. Смотрел на рассвет.

Элори умерла.

Он думал об этом спокойно — без радости, без сожаления. Просто факт. Она была частью этого места, частью его власти над ним — живое напоминание народу что он достаточно милосерден чтобы не тронуть вдову прежнего правителя. Теперь этой части не было.

Ничего. Шанду прав. Нужно действовать быстро и правильно.

Он начал одеваться.

— —

Весть разошлась по лагерю ещё до рассвета.

Агна сама не понимала как — она сказала только стражнику, тот послал другого за старшим, но к тому времени как небо начало светлеть люди уже выходили из кругосветов.

Молча. Без команды. Просто выходили и стояли.

Старики снимали шапки.

Женщины средних лет — те что помнили как Карда Элори объезжала лагерь верхом, как решала споры, как говорила тихо и без лишних слов и все слушались — эти женщины плакали не стесняясь. Молодые смотрели на них и не понимали до конца почему — но чувствовали что что-то важное ушло. Что-то что было здесь до Гуннара, до запретов, до каменных улиц и ленивой стражи.

Орвас узнал от Агны — та прибежала к нему первому. Он долго сидел молча. Потом встал, надел свой лучший плащ — старый, протёртый на локтях, но когда-то дорогой — и вышел.

— —

На рассвете он пришёл к землянке.

Таэрион уже стоял у входа. Увидел лицо Орваса — и всё понял ещё до того как тот открыл рот.

— Ночью, — сказал Орвас тихо. — Тихо. Агна говорит — улыбалась.

Таэрион ничего не сказал. Смотрел куда-то мимо старика — на холмы, на светлеющее небо.

— Гуннар устраивает похороны к полудню. Сам будет присутствовать.

Молчание

Из землянки вышла Лира. Посмотрела на мужа. На Орваса. Всё поняла без слов.

— Мы пойдём, — сказала она тихо. — Я и дети. Как простые жители. Никто не обратит внимания.

Таэрион посмотрел на неё.

— Это опасно.

— Нет. — Она покачала головой. — Опасно тебе идти. Нам — нет. Мы чужие лица в толпе.

Он молчал долго. Потом кивнул.

— —

Лира вошла в лагерь с детьми когда солнце стояло уже высоко.

Народу было много — больше чем она ожидала. Люди стояли плотно, плечом к плечу, и молчали. Лира провела детей поближе — не в первые ряды, но так чтобы было видно.

Погребальный костёр был сложен в центре лагеря — высокий, аккуратный. Рядом с ним — кругосвет Элори, с открытыми ставнями. У входа стояли люди Гуннара в чистых плащах.

Потом появился он сам.

Гуннар шёл медленно — не потому что спешить было некуда, а потому что умел ходить так чтобы его замечали. Высокий, широкоплечий, в тёмном плаще без украшений — специально, Лира это почувствовала сразу. Никакой роскоши. Только скорбь.

За ним — Шанду.

Лира увидела его и на мгновение перестала дышать.

Она узнала это лицо. Видела его один раз — мельком, когда спасала Таэриона у реки. Но не забыла. Такие лица не забываются.

Это он убил ее отца.

Шанду шёл за Гуннаром тихо и спокойно — с видом человека у которого нет никаких причин для беспокойства. Опу-

ценные глаза. Сложенные руки. Скорбящий советник на похоронах уважаемой женщины.

Лира почувствовала как Кирани сжала её руку — крепче обычного. Посмотрела на дочь. Кирани смотрела на неё — не на костёр, не на Гуннара — на неё. Что-то почувствовала.

Лира разжала пальцы. Выдохнула медленно. Снова сжала руку дочери — уже спокойно, уверенно.

Не сейчас.

Гуннар остановился у костра. Обвёл взглядом толпу — медленно, не торопясь. Люди замерли.

Он заговорил.

— Валхелла потеряла сегодня больше чем просто женщину, — сказал он. Голос был низким, ровным, хорошо поставленным. — Она потеряла память. Живую память о том каким был этот народ в лучшие свои времена.

Лира слушала. Рядом стоял Тариан — напряжённый, с плотно сжатыми губами. Кирани держалась за её руку.

— Карда Элори была женщиной достойной величайше-

го уважения, — продолжал Гуннар. — Она пережила многое. Потери которые сломили бы любого. Она потеряла мужа. Потеряла сыновей. — Он сделал паузу. — И всё же она оставалась прямой. Оставалась Кардой до последнего дыхания. Это редкость. Это то чему все мы можем учиться.

В толпе кто-то всхлипнул.

— Я скорблю вместе с вами, — сказал Гуннар. — Как правитель этого народа — скорблю. Как человек который имел честь знать её — скорблю. Валхелла не забудет Карду Элори. Я обещаю это.

Он замолчал. Опустил голову.

Тишина была такой что Лира слышала как потрескивает разгорающийся костёр.

Лира смотрела на Гуннара — на правильную скорбь на правильном лице — и думала о том что этот человек держал Элори под стражей три года. Что его люди стояли у её двери днём и ночью. И сейчас он скорбел. Громче всех.

А Шанду стоял за его плечом и молчал. Тихий. Незаметный. Живой.

Когда Гуннар замолчал и толпа зашевелилась Лира заметила ещё одного человека.

Стоял чуть в стороне от остальных — один, без свиты. Одет скромно, ничего лишнего. Но плащ был застёгнут на пряжку с гербом которую Лира не знала. Мужчина не плакал, не разговаривал с соседями. Просто стоял и смотрел на костёр — спокойно, как человек выполняющий поручение.

Когда церемония закончилась он первым ушёл.

Лира проводила его взглядом. Потом перевела глаза на Гуннара — тот уже принимал соболезнования от старейшин, говорил что-то тихо, кивал. Шанду стоял рядом и молчал.

Она смотрела на них обоих и думала что не знает кто из этих двоих опаснее.

Тариан тронул её за рукав. Она посмотрела на сына. Он не сказал ничего — только смотрел на Гуннара с таким выражением что Лира тихо сжала его плечо. Удерживая.

Не сейчас.

Костёр разгорался. Дым пошёл вверх — прямо, без ветра.

— —

На холме Таэрион видел этот дым.

Он стоял один — Орвас ушёл в лагерь, сказал что должен быть там. Таэрион не возражал.

Дым поднимался прямо и ровно. Таэрион смотрел на него не отрываясь.

Там внизу стоял Гуннар и говорил правильные слова. Там стояла Лира с детьми среди чужих людей. Там горел костёр.

А он стоял здесь.

Призрак не приходит на похороны собственной матери. Призрак смотрит издалека на дым.

Он помнил её руки. Как она коснулась его лица в доме Орваса — медленно, как будто читала пальцами. Как сжала его руку один раз и отпустила. Как улыбнулась внукам — беззвучно, одними губами.

Она дождалась. Увидела. И ушла с улыбкой.

Таэрион закрыл глаза.

Стоял так долго. Ветер тронул траву на холме — тихо, едва слышно.

Потом услышал шаги снизу — лёгкие, знакомые. Открыл глаза.

Лира поднималась по склону. Тариан и Кирани — за ней. Тариан шёл с опущенной головой. Кирани несла в руке что-то маленькое — полевой цветок, сорванный где-то по дороге.

Они подошли и встали рядом. Кирани протянула цветок отцу.

Таэрион взял. Посмотрел на него. Маленький, белый, уже чуть помявшийся.

Опустился на колено и положил цветок на землю — здесь, на холме, откуда был виден дым.

Больше ничего сделать было нельзя.

Они стояли вчетвером и смотрели пока дым совсем не растаял в небе.

Вечером пришёл Орвас.

Таэрион сидел у входа в землянку. Орвас сел рядом. Долго молчал.

— Народ сегодня другой, — сказал он наконец. — Смерть Карды что-то разбудила. Старое что-то. — Помолчал. — Гуннар это тоже почувствовал. Я видел его лицо когда он уходил. Не ожидал что так много людей придёт. Что так будут плакать.

— Был там один, — добавил Орвас помолчав. — С пряжкой Нифльгарда на плаще. Я узнал герб. Постоял, посмотрел на костёр и ушёл первым. Говорят Гуннар принял его ещё до церемонии — соболезнования от Моргена.

Таэрион помолчал.

— Соболезнования, — повторил он тихо.

— Да, — сказал Орвас. — Так говорят.

Помолчали

— Шанду был там, — сказала Лира тихо. Она до этого молчала весь вечер.

Таэрион посмотрел на неё.

— Знаю.

— Стоял и скорбел. — Она помолчала. — Красиво скорбел.

Больше она ничего не сказала. Но Таэрион видел — потому как она держала руки, потому как смотрела в темноту — что внутри у неё что-то изменилось сегодня. Стало тверже.

— Гуннар говорил хорошо, — сказал Тариан. Он сидел чуть поодаль. — Красиво говорил. Я чуть сам не поверил.

Таэрион посмотрел на сына.

— Это опасней чем плохой правитель, — сказал он тихо. — Тот кто умеет говорить красиво и лжёт при этом — опасней того кто просто жесток. Запомни это.

Тариан кивнул. Медленно — как человек который не просто соглашается а действительно запоминает.

Орвас смотрел на них троих и молчал.

— Ты говорил про искру, — сказал Таэрион наконец.

— Говорил.

— Она уже есть.

Орвас кивнул — медленно, уверенно.

— Есть, — согласился он.

Таэрион встал. Посмотрел на тёмные холмы.

— Хватит ждать, — сказал он.

Конец 7 главы

Глава 8. Рукопожатие на пепле

Граница между Валхеллой и Нифльгардом всегда была местом, где пахло сталью и страхом. Но сегодня здесь пахло мёдом и дорогими благовониями.

В большом шатре, поставленном точно на меже двух зе-

мель, было прохладно. Гуннар сидел в резном кресле, глядя на человека напротив. Морген, правитель Нифльгарда, выглядел старше, чем при их последней тайной встрече, но в его глазах по-прежнему блестела та холодная расчетливость, которая сделала его хозяином каменных городов.

Морген неспешно пригубил напиток из золотого кубка.

— Элори мертва, — сказал он, и это не было вопросом. — Шанду подтвердил.

— Ночью. Тихо, — ответил Гуннар. — Народ скорбит. Похороны прошли... удачно. Я сказал всё, что они хотели услышать.

Морген едва заметно усмехнулся.

— Теперь нам не нужно играть в прятки, сын. Пока эта женщина была жива, в людях теплилась надежда на возвращение старой крови. Теперь старая кровь остыла в костре. Настало время для новой истории.

Гуннар подался вперед.

— Ты уверен, что они примут перемирие? Триста лет мы резали друг другу глотки.

— Они примут его, потому что они устали, — отрезал Морген. — Мы объявим, что в знак уважения к памяти великой Элори я прощаю твое «изгнание». Мы скажем, что её смерть открыла нам глаза на бессмысленность вражды. Мы предложим им мир, торговлю и защиту. И они купят это, Гуннар. Купят за миску похлебки и право не оглядываться по ночам.

— А Валхелла? — Гуннар прищурился.

— Валхелла станет жемчужиной в короне Нифльгарда. Ты останешься правителем, но налоги будут идти в мою казну, а твои воины станут моими пограничниками. — Морген встал и подошел к карте на столе. — Мы объединим наши земли. Больше никаких кочевий. Никаких кругосветов. Мы построим здесь дороги и заставы.

Гуннар тоже встал. Он чувствовал, как власть, о которой он мечтал, наконец становится абсолютной, пусть и под крылом отца.

— Значит, завтра мы объявим об этом?

— Завтра, — кивнул Морген. — На рассвете. Это будет «Великое Примирение».

Таэрион узнал об этом через два дня, когда Орвас буквально ввалился в землянку, бледный и запыхавшийся.

— Они празднуют, — выдохнул старик, опускаясь на сундук. — Таэрион, они празднуют «Мир».

Таэрион, который в это время разбирал с Тарианом чертежи патрулей, замер.

— Какой мир, Орвас?

— Морген прислал гонцов. Гуннар объявил, что вражда закончена. Что теперь мы братья с Нифльгардом. Народ... народ радуется, Таэрион. Они выкатили бочки с медом. Они думают, что война ушла навсегда.

Тариан вскинул голову.

— Но это же ложь! Морген ненавидит нас, он всегда хотел

наши пастбища!

Таэрион медленно выпрямился. В его глазах отразилось пламя свечи — холодное и острое.

— Это не мир, Тариан. Это капитуляция. Гуннар продает Валхеллу за право сидеть в своем кресле без страха. Он использует смерть моей матери как обертку для яда.

Он подошел к стене землянки и сорвал с крюка свой плащ.

— Они хотят перемирия? Хорошо. Мы дадим им такое перемирие, которое заставит Моргена пожалеть, что он вообще пересек границу.

— Что мы будем делать, отец? — спросил Тариан. В его голосе уже не было детского любопытства — только готовность.

— Мы не дадим им объединиться, — сказал Таэрион. — Если Гуннар хочет показать Моргену, что Валхелла усмирена, мы покажем ему, что она охвачена пламенем. Мы начнем с их «торгового пути». Завтра караваны Нифльгарда должны почувствовать, что земля Валхеллы под их ногами всё еще умеет гореть.

Лира, стоявшая в тени у очага, тихо добавила:

— Теперь они сами развязали нам руки. Если они объявили мир, значит, любые «разбойники» в лесах — это проблема Гуннара перед лицом его нового господина. Мы заставим их ссориться.

Таэрион кивнул.

— Именно. Мы станем той трещиной, из-за которой их

союз развалится на куски.

Когда Орвас ушел, в землянке воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров. Таэрион сидел у стола, его пальцы машинально перебирали старые чертежи, но мысли были далеко.

Кирани подошла к нему и тихо положила руку на плечо.

— Папа, если наступил мир... значит, нам больше не нужно прятаться? Значит, мы сможем поставить свой кругосвет в долине, как остальные?

Таэрион посмотрел на дочь. В её глазах, несмотря на всё пережитое, еще теплилась надежда на простое, понятное детство. Он почувствовал, как к горлу подступил ком. Ему хотелось сказать «да», но ложь была бы сейчас опаснее меча Гуннара.

— Знаешь, как охотится степной паук, Кирани? — тихо спросил он.

Девочка покачала головой.

— Он не нападает сразу. Он плетет паутину, которая почти не видна на солнце. Муха думает, что летит по чистому полю, пока не чувствует, что её крылья прилипли. И чем больше она радуется свободе, тем сильнее запутывается.

Тариан, сидевший в углу и точивший наконечник копья, резко поднял голову.

— Морген — это паук. А Гуннар — тот, кто держит края паутины.

— Верно, — Таэрион встал и подошел к очагу. — То, что они называют «миром» — это просто способ связать нам руки без единого выстрела. Валхелла привыкла сражаться с врагом, которого видит. Но она не знает, что делать с врагом, который приходит с улыбкой и везет мёд.

Лира в это время разбирала травы. Она работала молча, но Таэрион видел, как напряжены её плечи. Она знала, что за этим «миром» последует уничтожение всего, что им дорого.

— Нам нужно показать людям, что паутина уже здесь, — сказала она, не оборачиваясь. — Пока они не уснули слишком крепко.

Таэрион подозвал сына.

— Тариан, завтра мы сменим тактику. Раньше я хотел просто выждать. Теперь мы начнем действовать. Гуннар пообещал Моргену безопасные дороги. Это его главное обещание. Если дороги станут опасными, Морген спросит с Гуннара. А если Гуннар начнет наказывать свой народ за «неспособность навести порядок» — народ начнет спрашивать с него.

— Мы пойдем к Старому Провалу? — в глазах Тариана вспыхнул азарт.

— Нет. Провал подождет. Сначала мы пойдем к южным колодцам. Там завтра будет проходить первый «посольский» караван с дарами. Мы не тронем людей. Мы сделаем так, чтобы их дары не доехали в сохранности.

Таэрион взял со стола тяжелый плащ и накинул его на пле-

чи.

— Собирайтесь. Ночь будет долгой. Кирани, ты остаешься с матерью. Твоя задача — следить за дымом. Если увидишь три столба с южной стороны — значит, пора уходить глубже в лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.